

После уездных испытаний оглашения результатов пришлось ждать до самого конца июня. Впрочем, ни Цзя Чжу, ни Сююй ничуть не тревожились — они по-прежнему усердно предавались занятиям. Шао Инлинь ежедневно давал им новые задания: то толкование канонов, то разборы судебных дел, то рассуждения о государственных делах. Наконец, под конец месяца управа вывесила списки. Из обоих поместий поспешили отправить слуг разузнать новости. Вернувшись, те наперебой доложили: юный Линь занял первое место в высшем разряде, а старший молодой господин Чжу возглавил второй список. Так или иначе, оба получили право держать провинциальный экзамен в августе. Для Цзя Чжу это было лишь формальным подтверждением его способностей, поэтому к своему успеху он отнёсся равнодушно; а вот в доме Линь победу Сююя праздновали с небывалым размахом. В назначенный день там устроили пышный пир, созвав всех господ и госпож из Поместья Жунго. Даже матушка Цзя в благостном расположении духа изволила сесть в экипаж и почтить застолье своим присутствием.

Тем временем, пока Цзя Чжу усердно готовился к августовским испытаниям, в покоях Жунфу исподволь назревали перемены. Супруга старшего господина, госпожа Ли, угасала день ото дня. Изнурённая тяжким недугом, она уже не поднималась с постели. Сколько ни созывали лекарей да придворных врачей, снадобья не приносили облегчения. В конце концов Цзя Шэ, отбросив гордость, попросил Цзя Чжу лично отправиться к Линям и привезти Шао Инлиня. Тот приехал, приложил пальцы к запястью больной, едва уловив нитевидный пульс, и сухо бросил:

— Масло выгорело, светильник гаснет. Она уже одной ногой в могиле, готовьте погребальные одежды.

С этими словами целитель повернулся и ушёл прочь.

Как раз в ту пору из семейства Ван пришла весть: их второй сын, Ван Цзытэн, получил назначение на должность командующего столичным гарнизоном. Сила его росла, а влияние сделалось поистине безграничным. Столь блистательное возвышение родни немедленно возвеличило госпожу Ван в глазах домочадцев — отныне ни одна из невесток клана Цзя не смела соперничать с ней в знатности. К тому же из-за угасания госпожи Ли все бразды правления усадьбой окончательно перешли к супруге второго господина. Ей безраздельно доверили все заботы, вплоть до связки ключей от фамильных кладовых.

Цзя Шэ прекрасно понимал: едва лишь его супруга испустит дух, отсутствие законной жены в его крыле лишит их ветвь всякого голоса в домашних делах. По закону же, овдовев, супруг обязан целый год носить траур, в течение которого новый брак невозможен. А потому старший господин втайне замыслил сразу после кончины Ли-ши возвысить мать Инчунь, сделав её законной супругой. Та была не простой прислужницей, а благородной наложницей, да к тому же воспитывала дочь — её происхождение казалось во сто крат достойнее, нежели у какой-нибудь наложницы Чжао из ветви второго брата, выслужившейся из простых служанок лишь благодаря рождению Таньчунь. Увы, как ни хитроумен был этот расчёт, судьба распорядилась иначе. Мать Инчунь и сама не отличалась крепким здоровьем; не успели утихнуть плачи по госпоже Ли, как и она тихо угасла. Цзя Шэ не оставалось ничего другого, как смиренно ждать конца траура, дабы заново подыскать себе достойную партию.

За неимением в доме Цзя Шэ хозяйки, заботы о юной Инчунь давно взяла на себя старая

госпожа. Видя, что непутёвый отец совершенно забросил воспитание второго сына, Лянь-эра, и нимало не заботится о его учении, в то время как во второй ветви рос благонравный и прилежный Цзя Чжу, матушка Цзя рассудила прикрепить внука к старшему брату. Однако Цзя Чжу, всецело поглощённый подготовкой к скорым испытаниям, никак не мог отвлекаться на наставление юноши. Помня, что для покойного первенца Цзя Мэя когда-то держали домашнего учителя, Лянь-эра пока определили к нему, решив, что Цзя Чжу займётся братом сразу после оглашения результатов. Госпожа Ван тоже не осталась в стороне. Смерть старшего сына в той ветви означала, что этот второй отпрыск никак не ущемит прав её собственных детей, а в будущем, чего доброго, станет верной опорой для неё самой или для Цзя Чжу. Рассудив так, она окружила племянника заботой и лаской, угощая лакомыми яствами. Сия добродетель безмерно порадовала старую госпожу, и госпожа Ван одним выстрелом убила двух зайцев. С тех пор Лянь-эр душой и помыслами стал всё заметнее склоняться на сторону второй ветви.

Надо сказать, госпожа Ван долгие годы безропотно сносила обиды и терпеливо ждала своего часа, прежде чем прибрать к рукам ведение домашнего хозяйства в Жунфу. Обретя долгожданную власть, она принялась наводить собственные порядки: расставляла доверенных людей на ключевые места и плела невидимые сети влияния, незаметно, но неуклонно выживая прихлебателей старшего брата. Что же до её родного клана Ван, то в столице они не имели обширных владений, и большая часть семейства по-прежнему обитала в Цзиньлине. С возвышением Ван Цзытэна, прочно обосновавшегося в столице, его старший брат, Ван Цзычэн, оказался в тени. У Цзычэна к тому времени подрастали сын Ван Жэнь и дочь Ван Сифэн. Поскольку в столичном доме теперь хозяйничал младший брат, Цзычэну с семьёй пришлось сниматься с места и держать путь на родину предков. На правах близких родственников господа из второй ветви отправились провожать их: Цзя Чжэн вместе с Цзя Чжу сопровождали уезжающих до самой загородной почтовой станции. Женская же половина семейства Ван прибыла в усадьбу Цзя засвидетельствовать почтение старой госпоже и проститься с сестрой. Вместе с ними приехала и юная Сифэн, сверстница Лянь-эра. Уже в те нежные лета девочка отличалась редким изяществом: в её облике таилась весенняя нега, а во взгляде сквозила царственная властность. С малых лет её воспитывали бойкой, точно мальчишку, отчего речь её лилась звонко, а ум поражал сметливостью. Старая предводительница при виде гостьи расплылась в улыбке. Подметив довольный вид свекрови, госпожа Ван затаила в душе умысел. Пусть брак её собственного сына Цзя Чжу уже не сулил ей личной выгоды, судьба Лянь-эра всё ещё зависела от неё. Стоит лишь этим двоим войти в пору зрелости, как она непременно сосватает сестрицу Фэн за племянника. Этим союзом она навек привяжет к себе верную помощницу.

Вместе с тем в покоях Цзя Шэ после кончины супруги воцарился полный разброд. Нося траур, старший господин лишь пользовался случаем, чтобы бездельничать и предаваться плотским утехам с многочисленными наложницами. Даже непреложный сыновний долг — утренние и вечерние визиты к матушке Цзя — он исполнял кое-как, лишь для виду. Старая госпожа примечала сие непочтение, и гнев её на непутёвого первенца рос день ото дня. Наконец она призвала его к себе и молвила:

— Ныне, когда ты пребываешь в скорби, дух твой, верно, смятен, и тебе недосуг ежедневно утомлять себя визитами ко мне. Не лучше ли будет отгородить часть восточного сада, обустроив там уединённую усадьбу? Ты переберёшься туда и сможешь предаваться печали в полном покое.

Цзя Шэ так и обмёр от радости — матушка предлагала именно то, о чём он тайно грезил. Однако приличия требовали разыграть притворное горе. Он залился горячими слезами и воскликнул:

— Помилуйте, матушка! Как смею я из-за безвременной кончины супруги забывать о сыновнем долге? То великий грех мой! Ежели я покину ваши покои, как смогу впредь вкушать радость семейного очага?..

Он сокрушался и причитал ещё долго, пока не счёл, что долг почтения исполнен сполна, после чего, пошатываясь, удалился. Едва переступив порог собственного дома, он тотчас велел слугам заняться перестройкой садового флигеля. Стоило отгородиться от главного поместья глухой стеной, и никто более не посмел бы указывать ему, как жить. Стоило работам завершиться, как он перевёз туда весь свой гарем и окончательно отгородился от мирской суеты. Лянь-эр же, коего за неимением в доме отца законной супруги временно поручили заботам госпожи Ван, остался при матушке Цзя и в новый флигель не переехал. Вскоре, когда крыло старшего брата опустело, а в руках госпожи Ван сосредоточилась вся власть над поместьем, Цзя Чжэн вместе с супругой с полным правом заняли парадные покои усадьбы — Зал Жунси.

Мысль о том, что её собственные чада воспитываются в покоях старой госпожи, давно бредила душу госпожи Ван. Ныне, когда Цзя Чжу заметно повзрослел, мать не желала более видеть его привязанным к юбкам свекрови. Втайне от всех она распорядилась прибрать и обустроить небольшую усадьбу у внешних ворот, дабы сын мог без помех предаваться наукам. Выбрав день, когда старая госпожа пребывала в добром здравии, невестка завела разговор о переселении Цзя Чжу во внешние покои:

— Мальчик уже совсем вырос, матушка, а у вас в покоях и без того шумно от детворы. Ежели Чжу-эр останется здесь, это доставит вам лишь лишние хлопоты. К тому же, когда он сдаст экзамен на степень цзюйжэня, ему придётся заводить знакомства и принимать гостей. В отдельном дворике и ему, и его визитёрам будет куда вольготнее.

Старая госпожа души не чаяла в Цзя Чжу — ведь она растила его с пелёнок, лелеяла и оберегала. Весть о том, что внука хотят забрать, да ещё и то, что невестка за её спиной уже всё устроила, глубоко уязвила её. Но возразить было нечего: доводы госпожи Ван дышали разумностью. Скрыв досаду под маской благодушия, матушка Цзя лишь тяжело вздохнула и неохотно уступила.